

а далее Елизавета (ст. 47) стоит перед лицом высшего, и вся фразеология становится совершенно библейской (щедро взирает, завет и др.). Строфы же 6—8 (длинная речь «ветхого денми») представляют совершенно консистентную богословскую тираду, стилистически (напр., «утешил я в печали Ноя») резко расходящуюся с началом оды, а, следовательно, и со всей суммой предшествующей работы Ломоносова. С концом речи бога, происходит резкий стилистический обрыв, и строфа 10 возвращает нас к Гюнтеровой баталистике: батальный дым, пожар Финляндии, с явными отзвуками Хотинской оды:

Ст. 81 Тюмень в берегах своих мутится

ср. Хот. ода ст. 220: «Евфрат в твоей крови смутится...»

Строфа 10 (Претящим оком вседержитель...) снова вся теологична, притом написана «грандиозным» (впервые у Ломоносова) языком (о чем ниже), а строфа 11, снова батальная, вполне укладывается в обычный тип военной оды. Строфы 12—13 развивают типично одическое «убеждение врага»:

Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись... не жди... отринь... ты все и т. д.,

которое можно сравнить со строфой 17 Хотинской оды, откуда, кстати, стих:

Целуйте руку ту в слезах...

перенесен в нашу оду:

Целуй Елизаветин меч

в форме, еще более близкой к Гюнтеру: *Und küsse Karl's gezeitztes Schwert* (вообще у раннего Ломоносова баталистика и международная политика почти всегда окрашены Гюнтеровской фразеологией). Дальнейшие строфы 15—17 тоже нормальны для военной оды, за исключением ст. 148: Россию сам господь блюдет, представляющего ослабленный отзвук из строфы 10: Я сам Россию защищаю. В общем, строфы 11—17 нормальны. Зато в строфу 18, несмотря на продолжающуюся батальную картину, снова вторгается богословская тема:

Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем град и дождь мешает...